

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Г.В. Атаманчук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(г. Москва)*

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В истории часто трудно определить начало. Можно фиксировать только какие-то явления, процессы, ситуации, их действия и результаты. Причем фиксировать достаточно точно, реально и достоверно.

Думаю, что многие согласятся с тем, что в России, да и в других бывших союзных республиках государственная власть испокон веков отчуждена от людей, их коллективов, от формируемого ими общества. Октябрьская революция, проходившая под лозунгом народного самоуправления, также не сумела преодолеть это отчуждение. Дистанция между властью и народом, их непонимание друг друга сохранялись спустя семьдесят лет, что в конечном счете и привело к краху социализма (уточню: в советском варианте).

Демократические инновации на переломе 90-х годов породили у значительной части российского общества надежды на то, что мы все-таки сумеем преодолеть историческое наследие, сломаем давние стереотипы, по-другому выстроим взаимоотношения между государственной властью и человеком. Вспомним, сколько в те годы было писано-переписано о демократии, свободе, правах человека, каким легким казался многим переход из одного качества в другое. Но время шло, и как-то незаметно, ненавязчиво все возвращалось на круги своя. Вначале были референдумы марта 1991 года, апреля и декабря 1993 года; с народом вроде советовались, его спрашивали, у него искали поддержки. Народ высказался за новую жизнь, при которой бы с ним и его интересами считались. Многие поверили избранной ими власти. И если раньше власть утверждалась силовыми переворотами, то теперь она избиралась снизу, получала мандат от голосовавших граждан. Однако, к великому сожалению, современная власть (и законодательная, и исполнительная), даже созданная путем демократических выборов, оказалась

весьма далекой от жизни реальных проблем тех, кто своими руками и головой зарабатывает хлеб насущный.

Вновь и с еще большей остротой возникает вопрос: почему? Неужели российское (и не только) сознание и бытие столь своеобразны, что они не воспринимают ценностей демократии, рыночной экономики, прав и свобод человека, то есть лучших приобретений человечества? Или причина в чем-то другом: в сознании и поведении властей держащих?

Разумеется, в небольшом очерке трудно полно и всесторонне ответить на поставленные вопросы. Это – задача всей общественной мысли бывших советских республик. Но на каких-то отдельных фрагментах предполагаемого ответа, связанных с темой статьи, хотелось бы остановиться.

Прежде всего надо определить, какой смысл мы вкладываем в используемые понятия, что объективное таится под субъективными суждениями. Речь пойдет только о двух взаимосвязанных (но однопорядковых) явлениях: государство и государственный аппарат. Я умышленно разделяю, но в то же время сочетаю, названные явления. Ибо путаница происходит тогда, когда они либо отождествляются (сливаются), либо, наоборот, разделяются непроходимой «стеной». Подобные крайности не ведут к прояснению истины. Самое печальное, что заблуждения вытекают не из ложных логических интерпретаций, а из «сумятицы в мозгах», которая отражается неразберихой в политике и информационной практике. В результате часто не поймешь, почему у нас должностные лица разного ранга говорят одно, а делают другое, отчего власти получают не то, что планируют.

Как известно, государство есть явление, соотносимое только и исключительно с обществом, с совокупностью тех людей, которые проживают на его территории и находятся с ним во взаимосвязях института гражданства¹. И только в таком широком (социологическом) понимании его можно анализировать, описывать и оценивать.

Об этих, казалось бы, давно известных теоретических и методологических постулатах приходится напоминать, потому что когда начинается освещение государственности как сложного естественно-общественного явления, публицисты и исследователи о них почему-то забывают. При этом по укоренившейся традиции государство обычно сводится к государственному аппарату с его функциями главным образом унижения и подавления людей. Сам же аппарат описывается в виде махрового чиновничества со своекорыстными ненасытными интересами, хотя и возглавляемого действующим руководителем-благодетелем. Внимание обращается преимущественно на взыскание государственным аппаратом налогов и их растрату неизвестно на что, при одновременном ограничении свободы личности и ее творческого «Я». Зато другие, причем существенные, исторически и социально значимые черты, свойства и способности государства почти не попадают в поле зрения современных исследователей.

Хуже того: государство часто толкуется не в историческом «срезе» как форма сохранения и обеспечения развития определенного сообщества людей (народа), а только в качестве «эпицентра» власти, вокруг которого разворачивается политическая борьба. Сиюминутность довлеет над историей, то есть над прошлым, настоящим и будущим. В результате игнорируются исторические факты и их следствия, которые являются реальными доказательствами дееспособности государства.

Считается, что в России становление гражданского общества в западной интерпретации началось в пореформенный период при активной поддержке императора Александра II. Все процессы, которые (по характеру, продвижению и реальному влиянию на жизнь) олицетворяли развитие гражданских начал, были тогда напрямую связаны с го-

¹ См. Невин И.А. Теория права и государства. – М., 2003. – С. 128-129

сударственным аппаратом и проводимой им политикой. Такие процессы отмечались не только в царствование Александра II, но также Александра III и даже Николая II. Поэтому нельзя не признать, что то общество, которое сложилось в России накануне Первой мировой войны (со всеми его сложностями и противоречиями) было почти зеркальным отражением состояния российской государственности¹.

Избранная в послереволюционное время концепция государства постепенно создала общество, которое в начале 90-х годов минувшего столетия разрушило само Советское государство. Как ни парадоксально, но в этом тоже ярко проявилась взаимосвязь государства и общества, место, роль и ответственность государства в развитии последнего. Не вдаваясь в подробности, которых бесчисленное множество, можно все-таки констатировать, что СССР был разрушен по причине того, что навязываемые КПСС формы, методы, процедуры, стереотипы и установки государственной политики, проводимые государственным аппаратом, не способствовали должному (в параметрах времени) общественному развитию. С 70-х годов практически перестала решаться главная проблема любого общества – *рост производительности труда*. По этому показателю Советский Союз не прогрессировал и все больше и больше отставал от индустриальных стран. Возникло резкое противоречие: советское общество переросло те конструкции, которые были определены ему государством в 30-50-е годы XX века, но государственный аппарат, вроде бы не видя происшедших перемен, продолжал их культивировать и охранять. Второй в одном веке развал российской и советской государственности вновь подтвердил аксиому: *состояние общества зависит от состояния государства (в том числе его способности к саморазвитию), а состояние и возможности государства решают зависящие от характера и динамики общественных процессов*.

Теперь Россия и бывшие союзные республики начали новый этап своего развития. Для того чтобы быть (наконец-то!) *созидательным, конструктивным*, способным вывести нас вровень с передовыми странами мира, этот этап должен быть тщательно подкреплен *в интеллектуальном, информационном и управленческом* отношениях. Необходимо, прежде всего на интеллектуальном «срезе», определиться с теми общественными идеалами, ценностями и институтами, которые жизненны и пригодны для решения стоящих перед нами проблем. В частности, следует еще и еще раз проанализировать все, что относится к государству и его составляющим частям. Важно преодолеть крайности: во-первых, уйти от дискредитации и пренебрежительного отношения к государству (от государственного нигилизма), во-вторых, и от чрезмерного его восхваления, возложения на него тех обязанностей, которые ему просто не под силу (от государственного фетишизма).

Самое существенное заключается в том, что к феномену государства нельзя подходить лишь как к сугубо политическому явлению, толкованию его исключительно в виде *аппарата власти*. В «сжатом» понятии государство можно, конечно, определять в качестве организованной силы общества, но если этим ограничиться, можно предельно обеднить его смысл (сущность) и потерять из виду его *историческое основание*. Полагаю, что государство принадлежит к одной из *естественно-общественных* форм объединения людей, находящейся в ряду с семьей, собственностью, моралью и правом. Оно, и это можно утверждать без преувеличения, является производным от **биосоциальной сущности** человека, само существование и развитие которого просто невысказано без объединения в малые или большие сообщества (коллективы). Причем, как подтверждает история, чем обширнее коллективы (общности), тем создаваемые в них условия все более благоприятствуют развитию людей и реализации их талантов. В таком контексте главным в государстве является не сила власти (особенно в аспекте принуждения), а

¹ См. об этом: Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Суринов А.Е. Сто лет спустя. – М. 2008.

его *организационно-регулирующий ресурс*, интегрирующий единичное и особенное в общее, и тем самым сохраняющий и укрепляющий целое.

Государство задает внешние контуры обществу и определяет его *внутреннюю структуру*. Потому государство должно иметь:

- границы (государственную, очерчивающую территорию; таможенную, контролирующую движение материальных и финансовых ресурсов; экономическую, охраняющую национальное природное богатство; санитарно-эпидемиологическую, защищающую здоровье населения, флору и фауну страны; воздушно-космическую, гарантирующую безопасность атмосферы над страной);
- гражданство, дабы знать, на кого рассчитывать, кого и как защищать в правовом, в том числе и в международном аспекте;
- целостное законодательство, типологически регулирующее статус гражданина и общественные отношения на территории страны;
- форму государственного (в России – федеративного) устройства, обеспечивающую единство, скоординированность и субординированность общественной жизнедеятельности страны;
- государственную собственность и иное ресурсное обеспечение национальных и общегосударственных (по сути всего общества) потребностей, интересов и целей;
- философию государства, исходящую от общества и граждан, придающую государству необходимый авторитет, духовное основание власти¹.

По каждому из названных аспектов государственного строительства бывшие советские республики сделали только небольшие шаги, отличающиеся в большинстве своем *учредительным характером* – они лишь провозглашены. Теперь указанные задачи надо решать практически, превращая в естественное и реальное бытие. И если данные системообразующие элементы государства не будут должным образом сформированы, укреплены и развиты, то трудно надеяться, что российское, казахстанское или иное общество, как бы его ни обозначать – гражданское, свободное, открытое, когда-либо вообще состоится. Неструктурированное общество – это слабое, незащищенное общество, которое всегда проигрывает при любом взаимодействии с более организованными и сплоченными зарубежными аналогами.

С точки зрения внутренней структуризации общества (или социального пространства) значение государства определяется его *организационно регулирующими ресурсами*. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что до сих пор в нашей общественной мысли нет понимания того, что, образно говоря, «поле» государства не совпадает непосредственно с «полями» общества: с экономикой, будь она рыночная или плановая; с социальной жизнью людей, протекающей преимущественно в населенных пунктах; с коммуникациями, обеспечивающими общение и кооперативную деятельность людей; с духовным производством и потреблением. Эти «поля», конечно, сегментарно накладываются друг на друга, и государство так или иначе их касается. Однако чаще оно «возделывает» лишь принадлежащее ему «поле», лежащее за пределами отмеченных сегментов.

Назовем кое-что, относящееся к сказанному: необжитые и не вовлеченные в экономику земли и их недра, морские экономические зоны и территориальные воды, воздушное пространство, историческое прошлое, будущее, огромный мир (как природный, так и социальный), находящийся в постоянном движении и преобразовании, и многое другое. Не все это имеет потребительскую ценность сегодня, но оно входит в круг интересов государства, которое объективно призвано знать, беречь, охранять и передавать из поколения в поколение людям все условия и факторы, источники и ресурсы их жизнедеятельности.

¹ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления /Курс лекций. Изд. 4-е., стер. – М., 2006.

Государство в его нормальном, состоявшемся виде задает обществу историческую перспективу. И поэтому вошли в историю, остались в ней лишь те государственные и общественные деятели, которые думали не о своем «чреве», а о том, что будет с народом через 50-100 лет, которые приращивали составные части государства. Ведь если общество что-то достойное пожинает сегодня, то потребляемое всегда представляет собой наследие от предшествующих поколений. Равно как и будущие поколения могут пользоваться лишь тем, что им достанется от отцов и дедов. В обществе, в жизни людей все имеет цену, даже тогда, когда мы ее не знаем или она кажется сегодня слишком низкой. Со временем цена всего меняется. Значит, государство призвано постоянно заботиться о грядущем, причем во всех его мыслимых вариантах.

Кроме того, и это бесспорно, любая текущая общественная жизнь в любой фиксируемый момент (сегодня, завтра, через месяц, год и т.д.) очень зависит от непрерывного организационно-регулирующего влияния государственного аппарата. Есть системы, которые только в своем взаимодействии придают обществу, жизнедеятельности людей определенную упорядоченность, безопасность и справедливость. Другими словами, сохраняют и воспроизводят ее. Сказанное, например, касается денежного обращения, финансового оборота, бюджета, социальной защиты детей и слабых членов общества, транспортного обеспечения, коммуникаций, информации и других аспектов, которые крайне необходимы для нормального общения, специализации и координации труда, осуществления обменных процессов.

Только малограмотный и ограниченный человек, ничего не читавший или ничего не понявший из прочитанного, может считать, что в обществе экономические, социальные и духовные взаимодействия людей могут осуществляться стихийно, спонтанно, сугубо вероятно, помимо действия упорядоченного сознания и скоординированной воли властного субъекта¹. Разумеется, в общественных процессах до сих пор велик удельный вес стихийных факторов (я не говорю о стихийных объективных условиях, которые – увы! – не зависят от человека), но от этого общество получает почти всегда мало конструктивного. Нам хорошо известно, что и как происходило во времена разгула революционных или реформаторских страстей, в том числе социалистических и антисоциалистических преобразований, не говоря уже о знаменитых российских бунтах.

Множество событий прошлого однозначно подтверждают, что для нормального функционирования общества (социального пространства жизнедеятельности людей) и тем более для его развития само общество должно обладать определенным уровнем (качеством) управляемости, т.е. целенаправленностью социальной активности, ее организованностью и урегулированностью. Такой уровень управляемости задается и создается разными источниками и ресурсами: свободным поведением человека, если он реально способен рационально пользоваться своими правами и свободами; групповой саморегуляцией, когда группы людей самостоятельно и согласованно решают свои проблемы; общественным управлением, осуществляемым общественными объединениями, в том числе и религиозными; менеджментом, связанным с управлением собственностью, с бизнесом, предпринимательством; местным самоуправлением, при котором жители поселений и территорий сообща управляют своей жизнедеятельностью и, конечно, государственным управлением, содержательно исходящим от государства, поддерживаемым властью, осуществляемым государственным аппаратом и распространяющимся на все общество.

Удельный вес каждого источника и ресурса определяется его собственной развитостью и творческим потенциалом. В идеале, из чего состоят все посылки либерализма, человек может и должен вести себя разумно и ответственно, соблюдая «золотое прави-

¹ См. на этот счет: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М., 1995.

ло». К сожалению, практика убеждает, что одних только внутренне-побудительных мотивов у многих людей для конструктивного или хотя бы законопослушного поведения не хватает. Им нужны внешние принудительные регуляторы, идущие от общественных институтов и диктующие им необходимые параметры поведения. Тем самым жизнь объективно требует сочетания свободного поведения человека, реализуемого через различные общественные институты (семью, собственность, мораль, право, государство, традиции, обычаи и т.д.), которые внешне обуславливают данное поведение и создают в таком сочетании нравственное и организованное общежитие людей. О том, что общество непременно должно быть управляемым, свидетельствуют и негативные факты. Когда нарушается управляемость со стороны государства и общественных институтов и возникает вакуум организованности, его тут же заполняют другие организационные явления: организованная преступность; националистические движения; конфликтные группы; теневая экономика; локальные центры силы и прочие. Они начинают регулировать сознание, поведение и деятельность людей, задавать им деструктивные цели, идеалы и ценности, возбуждать активность людей в нужном для них направлении. В результате общество расшатывается, распадается, погружается в перманентную борьбу всех против всех.

Значит, к тому, что составляет объективные функции государства, нельзя относиться легкомысленно. И опасно полагать, что эти функции выполнит вместо него какой-то иной общественный институт. Каждый из них имеет свои пределы и не может подменить или заменять другие социальные структуры и тем более государство в той характеристике, которая ему дана в Конституции Российской Федерации (демократическое, правовое, федеративное, социальное, светское, с республиканской формой правления). Такая характеристика содержит в себе огромное созидательное начало, поскольку оно:

а) основывается на приоритете прав и свобод человека и призвано гарантировать их всем, а не только избранным, что уже несет в себе известную нагрузку социальной справедливости;

б) создает должные организационно-правовые предпосылки для осуществления каждым индивидом своих специфических национальных и религиозных запросов, к тому же безотносительно места проживания. Тем самым конституция действительно обеспечивает свободное экономическое, социальное и духовное развитие представителей любой нации в своей стране;

в) ведет к выработке и практическому исполнению общих для всех правил экономического поведения, способствуя развитию подлинных рыночных отношений, конкуренции и активизации труда;

г) направлено на поддержание мира и согласия в стране, преодоление расколов и противостояний, формирование неконфронтационного общественного сознания;

д) укрепляет международный престиж страны и облегчает достижение ею стандартов современного мирового сообщества.

Разумеется, от конституционного или законодательного провозглашения целей и норм до их практической реализации пролегает дистанция большого размера. И складывается она, если суммировать многочисленные условия и факторы, определяющие осуществление субъективного (нормы) в объективное (реальную жизнь), из недостатков информационного и управленческого характера (хотя управление тоже имеет информационную основу).

Прежде всего, информация связывает высокие общественные идеалы и ценности, которые общество исповедует и стремится осуществить, с человеком, его сознанием и поведением. Когда информационное поле общества не структурировано вокруг базовых общественных ценностей и в нем царит хаос, навязываемый эгоистическим «Я» хозяев информационных средств, то совершенно ясно, что в таком обществе никогда

ничего хорошего не может взрасти. Духовное пепелище, создаваемое современными СМИ, приводит лишь к тому, что общество заполняется сорняками. Потому в условиях глобализации информационных каналов контроль государства над информацией превращается в проблему самосохранения и национального воспроизводства общества. Причем речь идет не о закрытии информационного пространства страны, как сразу могут сказать радетели «свободы», а об его охране и защите с точки зрения важных для общества идеалов, ценностей и интересов.

Открытость в концепции К. Поппера вовсе не предполагает утрату самостоятельности, отказ от своего общественного «Я». Потому-то и многообразна и богата человеческая культура, что в ней каждый народ имеет собственную «нишу», обладает своим видением мира, который он своими языком и образами (мыслями и чувствами) раскрывает и описывает. Государственный контроль над информацией важен не только из-за упорядочения информационных потоков внутри страны, но и в силу необходимости сохранения самобытности национальной культуры в интересах всего мирового сообщества. Между тем постсоветским суверенным государствам навязывается представление, что чем больше в обществе иностранного, тем мы ближе к цивилизованному миру. Это ложная точка зрения, обедняющее как нас, так и мировую культуру. Кстати, такой подход мешает и разумному освоению опыта и достижений культуры других стран, ибо простой механический перенос чужого лишает собственную страну необходимости, а постепенно и способности самостоятельно мыслить и творить.

Следует четко и твердо сказать (без оглядки на то, что об этом думают дельцы от средств массовой информации), что в структурировании общества исключительно многое зависит от содержания, направленности и организации информации. И государству здесь принадлежит и должна принадлежать первостепенная роль. На нем лежит обязанность устанавливать и поддерживать определенный информационный порядок и через него уже влиять на сознание и деятельность людей, организовывать между ними конструктивное, созидательное взаимодействие. Тем более что информацией можно и манипулировать, и использовать ее в деструктивных целях¹.

И последнее, чего хотелось бы коснуться при рассмотрении функций государства, состоит в том, что для сохранения и развития социального пространства весьма важны регулирующие возможности государства. И дело не только в легитимности законодательства со стороны государственных органов, но и в том, что лишь государство может утверждать правила (нормы) поведения, обязательные для всех членов общества и обеспечивать их проведение в жизни посредством своей организованной силы, подготовленной и для принуждения. Регулирование общественной жизнедеятельности людей не противоречит их правам и свободам, а наоборот, формирует условия и факторы их реального осуществления.

Без таких общеобязательных и равных для всех правил (норм) поведения невозможны ни рыночные отношения, ни демократия, ни федерализм, ни местное самоуправление, ни общественная безопасность, не что иное, именуемое термином «общественное». Само общественное, в каком бы контексте его ни произносить, предполагает известные, вошедшие в бытие правила (нормы) поведения и взаимоотношения людей. Правила типичные (или типологические) для страны, позволяющие каждому гражданину быть именно гражданином на ее территории. Об этом приходится напоминать вновь, поскольку в российское общество в данном аспекте запущено много иллюзорных ориентиров. Идет просто обман общества, который выгоден отдельным лицам – воротилам экономики, политики или средств массовой информации. Выверка истинно-

¹ См.: Бредемайер К. Черная риторика, власть и магия слова / Пер. с нем. – М, 2005

сти такого утверждения проста: состояние общества, его производственных сил, благополучия и здоровья людей.

Таким образом, отдавая должное всем источникам и факторам структурализации социального пространства, следует с большей ответственностью относиться к возможностям государства. Пора уйти от его противопоставления другим общественным институтам, пора рассматривать его и их во взаимодействии, дополнении друг друга. Комплексность, системность общественного развития начинается и осуществляется тогда, когда все многообразие общественных элементов согласовывается и гармонизируется между собой, приобретает вид упорядоченной сложности, в которой каждый выполняет свою свободно выбранную роль. Вместе с тем при таком подходе не следует забывать о своеобразии, уникальности, неповторимости любого общественного явления, видеть его и только его место и роль общественной жизнедеятельности людей.

Поэтому хотя государство в качестве одной из своих составляющих имеет власть, последнюю не стоит отождествлять с государством и приписывать ей то, что свойственно лишь ему. Тем более что в силу многих причин государственная власть пока весьма мифологизирована, покрыта тайнами и даже отчасти мистифицирована. В ней непросто разбираться, поскольку у многих есть желание растворить власть в государстве, смешать два явления и, соответственно, закамouflировать сущность каждого из них.

Прежде всего, в качестве вводной предикативной посылки необходимо сказать, что государственная власть противоречива по источнику (суверенному носителю) (ст. 3 Конституции РФ), шатка по механизму реализации, который, осуществляя замыслы и волю руководящего звена госаппарата, представляет собой силовое влияние (разной природы и проявлений) последнего на сознание, поведение и деятельность людей, на общественные взаимосвязи. Предназначение этого силового влияния состоит в управлении, то есть в целеполагании, организации и регулировании жизнедеятельности общества.

С теоретической точки зрения все вроде бы ясно и понятно: государственный аппарат как воплощение организованной силы общества выражает потребности, интересы и цели государства по объединению людей, проживающих на определенной территории посредством института гражданства, и способствует реализации этих интересов и потребностей через свои ресурсы. Но практически проблема упирается в иерархическое построение государственной власти (аппарата реализации), в такое распределение ее потенциала и в такие действия опосредующих звеньев, при которых источник и суверенный носитель государственной власти – народ – оказывается всего лишь исполнителем, а порой и жертвой велений многообразных государственных структур. Вместо управления обществом (ведения значимых для всех процессов) государственный аппарат работает лишь с химерами типа светлого будущего либо наживается за счет национального богатства. Владение властью превращается в наслаждение материальными и духовными продуктами, создаваемыми обществом.

Но самое любопытное заключается в том, что, невзирая на более чем столетний непрерывный кризис страны по вине государственного аппарата, российское (да и не только) общество так и не сформулировало критериев и процедур отношения к этому аппарату. Другими словами, у общества нет координатной сетки, с помощью которой можно было бы анализировать, оценивать и совершенствовать государственную деятельность. До сих пор все погружено в субъективистские суждения, личностные вкусы и поиски харизматических руководящих кадров. Правда, когда мы оглядываемся в прошлое, то уже знаем, что почти никто из так называемых великих деятелей не принес особой пользы Отечеству. И все равно в будущем мы все еще надеемся такого найти. Между тем мировое сообщество давно (по крайней мере с окончания последней мировой войны) осознало, что только жесткая, то есть не нарушаемая произвольно правовая

и организационная институализация государственного аппарата способна хоть как-то поддерживать ее существенные, а не мнимые и призрачные качества. Если государство – форма общества, а государственная власть есть проявление воли и силы этого же общества, то очевидно, что ее реализация (действия государственного аппарата) должна обслуживать интересы общества, сохранять и воспроизводить его в историческом масштабе.

Более конкретно это означает следующее.

1. Государственная власть в своей реализации призвана (и это ее первичная функция) поддерживать целостность, организованность и безопасность общества. Если этого не делается, то общество распадается на конкурирующие и борющиеся части, сотрясается сепаратизмом; если в нем каждый делает то, во что горазд, а преступность превращается в откровенный «беспредел», то трудно полагать, что в таком обществе государственная власть реально осуществляет свою объективно признанную миссию. Здесь, кстати, пролегает водораздел между демократией и либерализмом, который почему-то стараются не замечать. Да, государство состоит из людей – его граждан и призвано гарантировать их нормальную жизнь. Но ведь государство, общество по большому счету – это мы, и суть демократии заключается в представлении интересов и воли всех, в оказании помощи и поддержки каждому человеку, что по существу представляет собой сохранение народа. Либерализм же стоит на позиции личного «эго», требует самообеспечения каждого отдельного человека. На практике реализация подобных принципов означает борьбу всех против всех, причем без всяких правил и сдерживающих ограничений. Сильному позволено все! Поэтому в развитых странах концепция либерализма, получившая в последние десятилетия громкое звучание, органически сочетается с концепцией демократии – *системной организованностью свободных людей*¹. Однако в России в процессе становления постсоветского общества крен был сделан как раз в сторону либерализма, что серьезно ослабило демократическую составную часть реформ, дезориентировало государство и его власти. Вот и получилось, что целостность, организованность и безопасность общества оказались на предельно низком уровне, угрожающем существованию государства. И так будет и впредь, пока общество не осознает, что стихийная самоорганизация, на которую уповают либералы, слишком длительный и тяжелый процесс, который пока еще нигде не состоялся, что он требует сочетания с сознательным, продуманным, волевым действием государственной власти и его аппарата.

2. В современном обществе с его многообразием форм собственности, сложной техносферой, информационным прессингом и другими проявлениями центробежных сил именно на государственную власть, владеющую механизмами правового регулирования, возлагаются обязанности по утверждению принципов социальной справедливости, разумеется, в актуальных и реальных масштабах. На этом базируются и политические концепции, утверждающие, что государственная власть призвана юридически фиксировать естественные права и свободы человека и поддерживать общественные и правовые условия их практической реализации. Как бы ни развивалось гражданское общество, сколько бы ни говорили о свободе, только государственный аппарат, опирающийся на обширные ресурсы, может и должен обеспечивать на всей территории страны соблюдение прав и свобод человека и гражданина и, соответственно, определенную систему социально справедливых общественных отношений.

При рассмотрении данной проблемы почему-то постоянно забывается ее жизненно актуальная подоплека. Конечно, человек опирается на свои силы, свой труд, свою соб-

¹ См.: Боуз Д. Либертарианство: История, причины, политика / Пер. с англ. – Челябинск, 2005; Тилем Ч. Демократия / Пер. с англ. – М., 2007

ственность, даже заботу региональных властей, но он всегда нуждается в страховке (употребим это слово), достаточно мощной и гарантированной на все случаи судьбы. А такую страховку его прав и свобод способна дать только государственная власть. Отсюда простой логический вывод: всякое ослабление государственной власти представляет собой расшатывание социальных условий существования человека. Ибо не все и не всегда являются в обществе богатыми, здоровыми и независимыми.

3. По крайней мере, со времен «Нового курса» Ф. Рузвельта миру известно, что условием более-менее устойчивого функционирования рыночной экономики выступает государственное управление экономическими процессами, причем как на национальном уровне, так и межгосударственном, в рамках общих рынков, сообществ, союзов и прочего. Разумеется, что речь идет не о том формально-бюрократическом управлении, которое осуществлялось у нас в советский период. Хотя в нем тоже было немало ценного, что уже стало достижением очень многих стран. Здесь же имеется в виду совсем иное: выдвижение национальных целей экономического развития; создание стимулирующего экономику нормативно-правового пространства; согласование экономических интересов в межгосударственных отношениях; благоприятствование поиску рынков сбыта национальной продукции; поддержка рациональной кооперации производства, информационное обеспечение экономических взаимосвязей и многое другое.

Уже давно формируется интегрированный мировой рынок, открытый для движения капиталов, труда, товаров и услуг, для реализации возможностей всех форм собственности. Но нигде пока нет свидетельств того, что в подобных (реальных!) условиях утрачены национальные интересы и что в экономике наступил полный космополитизм (или, иными словами, либерализм). Наоборот, множество фактов говорит о том, что все страны пытаются выразить и защитить свои экономические национальные интересы, дать своему народу благополучие. Все зависит от силы, поведения и ценностей государственного аппарата. Каков он: национальный или компрадорский? Никогда не надо забывать, что в конечном счете государственная власть представляет интересы общества, целого, а экономика – лишь интересы частного собственника. Первая принадлежит к публичным явлениям, вторая – к гражданско-правовой сфере. Отсюда вытекает сложная диалектика соотношения политики и экономики, публичного и частного, при которой саму власть никогда нельзя превращать в товар. В противном случае разрушается общество; вместо него остаются просто индивиды, живущие на определенной территории и любыми способами добывающие себе пропитание.

4. Государственная власть объективно включена в духовную жизнь общества, ею подписывается и на нее влияет. Власть осуществляют люди, и она очень зависит от сознания этих людей, от их идеалов и ценностей, от того, какие они преследуют интересы, каков вообще их интеллектуальный уровень. Власть осуществляется в человеческой среде, и поэтому здесь многое определяется тем, что утверждает власть на практике, какова ее политика, за что она берется, насколько связана с обществом и отражает его потребности. Именно потому между государственной властью и обществом должна быть достаточно сильная духовная взаимосвязь. Известный дореволюционный философ И.А. Ильин в свое время высказал, может быть и идеалистическую, но важную мысль: «Государственное настроение души, объемлющее и чувство, и волю, и воображение, и мысль (а, следовательно, ведущее к решениям и поступкам), составляет подлинную ткань государственной жизни; или как бы тот воздух, которым государство дышит и без которого оно задыхается и гибнет. Без этого государственного правосознания государство становится простой видимостью, которая, может быть, имеет правовую силу и «давление», но духовно висит над пустотой»¹.

¹ И.А. Ильин Путь к очевидности. – М., 1993. – С. 259-260

У нас же, исходя из исторической традиции, государственный аппарат традиционно рассматривается лишь с точки зрения принудительных и силовых возможностей. Даже его разговор с обществом все время ведется в таком духе. Иные составные элементы упорядочивающего, организующего и регулирующего потенциала государства (язык, совместная история народов, знания, наука, духовная и материальная культура, информация, идеалы, мораль, ценности) используются редко и без желания. Аппарат часто не умеет и не считает нужным общаться со своим народом. Разве что по праздникам и в канун выборов. Отчетливо наблюдается духовное отчуждение властей предрежающих от собственных граждан, что, безусловно, затрудняет процесс государственного управления и правового регулирования. Если власть бездуховна или антидуховна, если она противостоит народным представлениям о добре и зле, о допустимом и запретном, о благородном и подлом, то трудно надеяться, что народ такую власть уважает и готов с охотой исполнять ее веления. В данном аспекте содержится самая уязвимая «ахиллесова пята» государственного аппарата, которая обязательно дает о себе знать. А если он еще и коррумпирован, говорить о предназначении государства просто бессмысленно.

5. Очевидно, что государственная власть призвана выполнять и такую, только ей присущую общественную функцию, как поддержание свободы, суверенитета и исторического существования народов своей страны в рамках мирового сообщества. Человек реализуется главным образом в своем народе (нации), народы – во взаимодействии с другими народами. Конечно же, граждане в той или иной мере соприкасаются с представителями других стран; в международном общении участвуют многие органы государственной власти и местного самоуправления, предпринимательские и общественные структуры. Но реальная международная легитимность решений и действий признается только за теми органами государственной власти, которые на это специально уполномочены. Именно они заключают международные договоры и соглашения, решают вопросы о членстве в международных организациях, союзах и сообществах, устанавливают и поддерживают дипломатические отношения, принимают акты о войне и мире и т.д.

Каждая страна занимает свое стратегическое положение на планете и вынуждена в ее реалиях представлять и защищать свои национальные интересы. К сожалению, довольно часто действия государственного аппарата в данном аспекте неизвестны, покрыты тайной, осуществляются отдельными ее представителями порой на основе лишь доверия, в то время как таким образом формируются исторические условия жизнедеятельности людей. Нередко один-два человека совершают такое, что потом сотни лет нельзя исправить ошибки. Имеются случаи (и многократные), когда сотворенное ими вообще нельзя исправить. Тем самым задается совсем другой вектор исторического процесса.

Следовательно, можно утверждать, что в современных условиях в рамках всех мировых парадигм и тенденций на государственную власть объективно (в силу закономерностей общественного развития) возлагается целый комплекс обязанностей перед обществом. Причем обязанностей, которые пока не могут быть переданы другим общественным структурам, ибо государство есть единственная целостная организация, воспроизводящаяся непосредственно от всего народа, от всех своих граждан. Если в обществе отдельный индивид действует, опираясь на свои права, свободы и собственность, если он свободно вступает в систему общественных отношений, то целостность этих общественных отношений, необходимые им упорядоченность и динамику обеспечивает государство через свой аппарат. И хотя действия государственного аппарата обычно представляют собой силовое давление, но в таком давлении, объективно необходимом, заключены (по крайней мере, должны быть) разум людей, их знания и опыт, стремления и воля.

Нам давно пора уйти от иллюзий, навязываемых обществу со времен М.А. Бакунина, о возможности безгосударственности и свободном самовыражении личности. За идеи будущего общественного самоуправления мы уже заплатили тоталитаризмом и развалом страны. Теперь платим и за неправильно понятый либерализм, который должен осуществляться в гражданском обществе, в свободных взаимоотношениях между людьми. Нельзя в худших традициях догматизма противопоставлять государство и общество, власть и человека, порядок и свободу, организованность и рынок, разум и сложности жизни, непознанность многих явлений. Не все знает и может человек и созданное им общество, но в то же время он знает немало и может немало, о чем свидетельствует современный уровень цивилизации. Необходимо сочетать различные структуры, явления и отношения, которые только во взаимодействии, в системной связанности образуют гармоничное (опять же более-менее) общество. В этом обществе государственная власть и ее аппарат имеют свою нишу, свои предназначение и функции, свои ресурсы и механизмы, свои возможности и обязанности. И общество вправе требовать от государственной власти выполнения всего того, что ей объективно и субъективно отведено в сложном, трудном и все же благодарном историческом процессе.

Түйін

Халықтың мемлекеттік биліктен ашақтап кетуі – өткен замандардан бері келе жатқан құбылыс. Ресей және бұрынғы одақтас Республикалардағы саяси құрылыстың өзгеруі, билікті сайлау жолымен ғана құру тәсілі мұндай ашақтықты жоюдың орнына, оның басым түсуіне мүмкіндік тудырып отыр. Автор мұның себебі мемлекеттің бүкіл болмысына сенімсіздікпен қарауда, оның іс-әрекетін дұрыс бағаламауда жатқандығында деп түсіндіреді. Сондықтан ол мемлекеттік аппараттың мемлекет пен қоғам арасындағы өзара әрекетті оңалтудағы аса зор рөлін атап көрсете отырып, мемлекеттік биліктің қызметін қалыпқа келтіру ісінде азаматтарды жалаң либерализмнің болуынан, сондай-ақ мемлекет қызметінің түрлері мен әдіс-тәсілдерін талқылауға ескі көзқарас тұрғысынан қараудан сақтандырады.

Annotation

Estranging of people and state power exist since BC. In conditions of political stage change in Russia and other former Soviet republics, when they started to form the power formally, by means of elections, such estranging hasn't only been liquidated, but acquired more sharpness. The author considers that the causes are in the wrong understanding of the state essence and undervaluation the range of its functions. He stresses the great role of the state system and setting right the state and society interaction, he admonishes of fanatical liberalism in connection with state power functioning, as well as old approach in interpreting forms and methods of the state activity.